

УДК 327

ББК 66.4(0)

DOI 10.22394/1682-2358-2019-1-19-25

N.M. Namatbekova, Candidate of Sciences (Politics), Do-cent of the Social and Human Sciences Department, International University of Kyrgyzstan

S.G. Sergeev, Candidate of Sciences (Politics), Acting Head of the Political Sciences Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

INTERNATIONAL PRACTICE OF “FORCED DEMOCRATIZATION” AS A TOOL OF FOREIGN POLICY

The policy of “forced democratization” of the United States in different countries, as well as its influence on the theory of liberal democracy is considered. It is noted that the enforcement of democracy will inevitably lead to the rejection of the introduced political institutions where there are no conditions for the formation of a liberal democracy. Analyzing the experience of post-Soviet states and developing countries, the author believes that liberal autocracy is a more effective way of establishing liberal democracy.

Key words and word-combinations: democracy, forced democratization, unilateralism, unipolarity, liberal autocracy, liberal democracy.

Н.М. Наматбекова, кандидат политических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Международного университета Кыргызстана (email: nurzat_n@yaboo.com)

С.Г. Сергеев, кандидат политических наук, и.о. заведующего кафедрой политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: sergeevsg6684@lenta.ru)

«ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ»: ИСТОКИ, РИСКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. Рассматривается политика «принудительной демократизации» США в разных странах, а также ее влияние на теорию либеральной демократии. Отмечается, что принуждение к демократии неизбежно приведет к отторжению привнесенных политических институтов там, где нет условий для становления либеральной демократии. Анализируя опыт постсоветских государств, и развивающихся стран автор считает, что либеральная автократия является более эффективным путем становления либеральной демократии.

Ключевые слова и словосочетания: демократия, принудительная демократизация, унилатерализм, однополярность, либеральная автократия, либеральная демократия.

Конец 1980-х годов ознаменовался окончанием «холодной войны», самоликвидацией социалистического лагеря и, как

следствие, радикальным изменением баланса политических и экономических сил на международной арене. Последовавший вскоре распад СССР окончательно закрепил новый геополитический порядок, суть которого сводилась к уверенности коллективного Запада в том, что его призвание состоит в осуществлении цивилизаторской миссии, связанной с распространением либеральных ценностей по всему миру.

Ощущаемое Западом идеологическое, моральное, культурное превосходство подкреплялось ни с чем не сравнимым военным потенциалом, который в случае необходимости стал использоваться фактически для принуждения контрагентов к должному поведению. В сложившихся реалиях, по замечанию Президента РФ В.В. Путина в Мюнхенской речи, «отдельные нормы, да, по сути, чуть ли вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнули свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере — и навязываются другим государствам. Ну, кому это понравится?» [1, с. 243].

Безусловным и единоличным лидером Западного мира стали США, стремившиеся к глобальному превосходству во всех отношениях. Свою внешнюю политику они стали осуществлять в полном соответствии с доктриной, сформулированной З.К. Бжезинским и до сих пор реализуемой на практике: по своему военному потенциалу Соединенные Штаты должны превосходить даже не отдельные страны, а любую коалицию стран (и даже своих союзников!) — для того, чтобы нести в мир свет свободы и демократии [2].

Глобальная гегемония одной страны, казалось, прочно укрепилась на долгое время. Инструментами ее установления стали международные институты (МВФ, Всемирный банк), сложившиеся нормы международного права, а также получившие распространение практики «принудительной демократизации», а фактически — устранения неудобных Соединенным Штатам политических режимов в недемократических (по их мнению) государствах.

В 2002 г. Администрация Президента США Дж. Буша (младшего) провозгласила амбициозный проект, направленный на демократизацию «Большого Ближнего Востока». Целью внешней политики США стало принудительное построение относительно стабильных демократических систем в ближневосточных странах. Согласно официальному мнению Вашингтона, реализация международного проекта «Большого Ближнего Востока» позволит решить ряд стратегически важных для США проблем — от ослабления радикальных исламских движений до получения доступа к альтернативным Саудовской Аравии источникам энергоносителей.

Реализация этих мер оказалась затрудненной из-за просчетов США и социально-культурной специфики стран Ближнего Востока. Попытки принудительного экспорта демократии привели в регионе к победе политических сил «радикального ислама». Так, «революция кедров» в Ливане и вывод из страны сирийских войск в 2005 г. привели к усилению позиций движения «Хизбалла» и Второй ливанской войне 2006 г. На выборах депутатов Палестинского законодательного совета 25 января 2006 г. победу одержало радикальное исламистское движение «ХАМАС» (Исламское движение сопротивления),

завоевавшее 74 депутатских мандата. Это привело к гражданской войне на палестинских территориях и военной операции Израиля в секторе Газа в 2008–2009 гг.

Наиболее крупной внешнеполитической неудачей США был опыт «принудительной демократизации» Ирака. В стране не оказалось влиятельных сил, готовых поддержать американскую политику. Суннитские общины были связаны с номенклатурой бывшей правящей партии БААС и воспринимали войска международной антитеррористической коалиции как угрозу своим интересам. Среди иракских шиитов выросла роль радикалов, ориентирующихся на построение с помощью Ирана своего варианта «исламского государства». Лидеры курдов добились широкой автономии для Курдистана и контроля над доходами от экспорта энергоносителей. Итогом этих процессов в ближневосточных странах стала серия вооруженных конфликтов между войсками коалиции, суннитами и шиитами, а также обострение противоречий между иракским Курдистаном и Турцией. Вследствие этого Ирак для Соединенных Штатов оказался имперским проектом, который не удалось реализовать.

Абсолютизация силовых тенденций в международных отношениях, что на практике превратилось в навязывание либеральной демократии в качестве базового принципа политической организации общества, вызвала резонную критику концепции «конца истории» не только в мировом сообществе, но и в самой Америке. Последующее развитие событий вынудило правящую политическую элиту США скорректировать свои взгляды и действия, модернизаторскую роль Соединенных Штатов в глобальном масштабе с учетом происшедших перемен и принципов коллективизма и многополярности.

В США начали осознавать, что внешняя сила эффективна там, где она способствует преобразованиям, к которым народ уже подготовлен, а не там, где навязываемые ценности и практики рассматриваются как чуждые и враждебные. Применение силы вне международно-правового контекста, с нарушением норм международного права и без учета мнения международных организаций ставит под сомнение саму причину ее использования и резко снижает, если не обесценивает, ту цель, ради достижения которой она применяется. Одна лишь вера в незыблемость собственных нравственных принципов не может служить основанием для политических решений.

Порочная практика «принудительной демократизации» подвергается обостренной критике со стороны видных политологов в самих США. По мнению известного философа-политолога Ф. Фукуямы, следует пересмотреть внешнеполитический курс, сформированный под влиянием неоконсервативных теоретико-политических представлений, которые привели к фиаско западной либеральной модели общества и государства в Ираке, Ливии и могут послужить причиной новых неудач. Критикуя радикальных неоконсерваторов, он видит альтернативу силовому глобализму в проведении более умеренного и рационального курса, ведущего к той же цели — установлению глобального миропорядка под эгидой Соединенных Штатов [3, с. 74].

Кроме Ф. Фукуямы, активными оппонентами стратегии силового глобализма и унилатерализма, разработанной и реализуемой при активном участии

неоконсерваторов, являются такие либерально-оппозиционные политологи, как Т. Барнет, Дж. Гэддис, Ч. Купчан, М. Манделбаум, Дж. Най-младший и другие. В целом они считают такую стратегию бесперспективной, отторгаемой мировым сообществом и чреватой истощением ресурсов самих Соединенных Штатов Америки. Альтернатива стратегии жесткого унилатерализма ими видится в мультилатерализме — формировании мировой экономической и политической системы, в которой полномочия были бы разделены между ведущими странами Запада, а фактический статус США был бы самым высоким и исключительно лидерским.

М. Манделбаум, исследуя перспективы демократии в современном мире, полагает, что нынешняя практика ее «продвижения» должна быть переосмыслена, поскольку дискредитирует демократические традиции и лишает демократию репутации, заслуженной ею в XX столетии. С его точки зрения, не следует инициировать демократические преобразования при отсутствии необходимых для этого внутренних предпосылок, поскольку следует осознавать неизбежность отторжения привнесенных политических институтов там, где нет условий для становления либеральной демократии. По мнению ученого, лишь глубокое знание истории, культуры и традиций других стран и народов «...могло бы дать ключ к пониманию того, каким образом можно подтолкнуть их к усвоению демократических практик» [4, р. 183].

Все это логично подводило к осознанию сложности и многополярности современного мира. Концептуальное осмысление и соответствующий практический подход были предложены выдающимся российским мыслителем и государственным деятелем Е.М. Примаковым. В своих трудах он отмечал, что многополярный мир создает наиболее благоприятные условия для противодействия мирового сообщества новым вызовам безопасности, в первую очередь международному терроризму, актуальность чего для самих Соединенных Штатов Америки наглядно обострилась после террористических атак, совершенных 11 сентября 2001 г. участниками организации «Аль-Каида». Совершенные атаки, как заявляли организаторы, стали мстостью за вмешательство США в дела других государств — носителей иного цивилизационного кода.

Подчеркивая, что развитие тенденции к многополярному миру соответствует интересам всего мирового сообщества, Е.М. Примаков отмечал: «Альтернативной является однополярное мироустройство, иными словами, американоцентризм, который содержит в себе заряд, уже сегодня неприемлемый для большинства других государств. Есть основание считать, что в гипотетическом однополярном мире конфронтационность в международных отношениях усиливается... Гипотетический однополюсный мир никак и никем не будет сбалансирован. Если он станет реальностью, неравномерность развития государств будет проявляться преимущественно в антагонистических формах» [5, с. 148—149].

Между тем Соединенные Штаты Америки продолжают всячески препятствовать развитию процессов, ведущих к многополярному мироустройству. В этих целях они осуществляют «цветные революции», международные экономические санкции, торговые и информационные войны, беря на себя функцию «мирового полицейского», нивелируя при этом роль ООН в современном

мире. Исчерпывающую характеристику американской политике дал российский Президент В.В. Путин, акцентировавший, что США «...не замечают, как и какими темпами меняется мир, куда он движется», а также, что они «...продолжают свою разрушительную и явно ошибочную политику» [6].

Жизнь показала, что многие современные западные государства не готовы к усвоению принципов либеральной демократии. На постсоветском пространстве это обусловлено не в последнюю очередь сравнительно низким уровнем благосостояния населения, когда для большинства граждан политические свободы вообще не являются приоритетным вопросом. Несмотря на это, Запад оказывает на не подготовленные к либеральному пути развития страны силовое давление с целью ускорить их «демократизацию». Результатом становится построение иллюзорной демократии, представляющей собою одну из наиболее опасных и порочных политических практик современности. В итоге, как правило, возникают политические режимы, в которых в гротескной форме перемешаны выборность и несменяемость, выраженная в формальных процедурах внешняя демократичность и воспроизводимый неформальными средствами устойчивый авторитаризм.

Примером тому является Кыргызстан, который через 27 лет после объявления государственной независимости так и не смог выйти на прежний уровень ВВП на душу населения и занимает 152 место — между Сенегалом и Зимбабве. В советское время Кыргызстан был одним из центров промышленности, сегодня же это страна догоняющего типа развития. Доля государственного сектора в экономике достигает 62%, доля расходов бюджета к ВВП — одна из самых высоких в мире. Внешний долг составляет 54% к уровню ВВП. По сути, от этого проистекают все значимые проблемы страны. Так, 28% населения — официально безработные, имеется огромное число самозанятых, которые не приносят экономике никаких налогов и работают за рубежом. Доля «серой» экономики достигает почти 40% ВВП, что не дает развиваться отраслям, которые обеспечивают конкурентоспособность страны в современном мире, — образованию, науке, технологии. Это, в свою очередь, обедняет человеческий капитал, ведет к радикализации населения.

Жизненная практика показала, что «демократия», внедренная по принуждению, очень скоро вырождается в уродливые формы личного единовластия, например, подобно семейно-клановому правлению А. Акаева или клептократически-бюрократической системе власти К. Бакиева. Как известно, характерными чертами этих режимов являются их глубокое отчуждение от народа, всевластие чиновников и чудовищные масштабы коррупции. Не случайно в последние годы режим А. Акаева был ориентирован лишь на сохранение собственных полномочий и существующего статус-кво, а реформирование политической системы осуществлялось без должного социально-экономического развития и модернизации. В конце концов в киргизском президенте разочаровался и Запад. При явной помощи США — американское посольство в открытую субсидировало как оппозиционную прессу, так и саму оппозицию — произошла перешедшая в погромы «тюльпановая революция» 24 марта 2005 г.

Периоды правления А. Акаева и К. Бакиева показали, что более двадцати

лет экономических и политических реформ так и не создали нового общества в Кыргызстане. В социологическом отражении наблюдаются лишь искаженные остатки прежних, советских классов и социальных групп: бюрократия, бюджетники и интеллигенция. На этом фоне тем более нелепой выглядит чудовищное расслоение населения на богатых и бедных. Пока что эти два слоя — около 5% богатых и 95% бедных — еще не превратились в самостоятельные общественно-политические силы и подчиняются либо тому, кто кормит, либо тому, кто сильнее.

Эти годы показали, что сильнее всех оказались олигархия и бюрократия — правящий политический класс, в чьих руках находится экономический и административный ресурс, все механизмы управляемой демократии. При этом сохраняются отдельные демократические свободы: многопартийные альтернативные выборы, свобода слова и печати, сменяемость лидера политического режима, на выборах голосует народ, а люди, находящиеся у власти, корректируют итоги выборов. Следовательно, управляемая демократия — это демократия, корректируемая правящим бюрократическим классом. Это лучше, чем диктатура, но, разумеется, хуже, чем демократия.

Принудительная демократия породила политику, проводимую теневыми элитами. Они ни перед кем не несут ответственности, не отзывчивы на чужие нужды и, как правило, не озабочены общественными интересами. Не удивительно, что миф о среднем классе в такой демократии есть, а самого среднего класса нет. Имеется наиболее богатая часть общества (олигархи, бизнесмены, чиновники, легализовавшийся криминалитет), которая еще не доросла до сколь-нибудь серьезно структурированной группы или социального слоя.

Государственное строительство на постсоветском пространстве идет уже более четверти века, но, по большому счету, ни национальной буржуазии, ни влиятельных либеральных политических партий в новых государствах так и не появилось. Нередко на выборах выходцы из предпринимательского класса переходят на сторону правящей бюрократии, позорно торгуясь с нею и предавая друг друга. Они рвутся в ряды бюрократии, потому что в развивающихся странах со слабой демократической традицией бюрократия относится к власти как к источнику средств существования. Причастность к власти в определенной степени гарантирует личный бизнес от вполне ожидаемых неприятностей.

Американский политолог Ф. Закария подчеркивает, что преждевременный переход к демократии способен привести к серьезным экономическим трудностям, политической неустойчивости и, как следствие, породить авторитарные, диктаторские режимы. Он убедительно иллюстрирует это на примере Венесуэлы и ряда африканских государств, доказывая, в частности, что все демократические эксперименты в Африке окончились неудачами, и сегодня «эффективное управление необходимо в большой мере, нежели демократия» [7, с. 96, 104]. Это значит, что выбор, который, по мнению ученого, должны сделать для себя развивающиеся страны, — это выбор между нелиберальной демократией и либеральной автократией.

Как показывает зарубежный опыт, либеральная автократия часто оказы-

вается более эффективным методом становления, как это ни парадоксально, либеральной демократии. Так, на протяжении последних пятидесяти лет практически все национальные экономические достижения в развивающемся мире происходили при либерально ориентированных авторитарных режимах, будь то на Тайване, в Южной Корее, Сингапуре, Чили или даже в Китае [7, с. 97–98]. Отсюда вывод, что американские и западноевропейские модели демократии при всей их зрелости и совершенстве на самом деле не являются ни нормативными в строгом смысле слова, ни единственно возможными.

Естественно ожидать появление в мире других демократических моделей, довольно сильно отличающихся от классических. Примером таких моделей являются сформированные не только в Японии, Индии, странах АСЕАН, Южной Корее, но и модели, формирующиеся в России, Казахстане, Беларуси и в других постсоветских странах, которые существуют весьма легитимно и эффективно. Сегодня они выглядят более жизнеспособными и оправданными формами государственности, чем либеральные демократии западного типа, которые испытывают глубокий кризис. Ключевым аргументом в пользу одобрительного отношения к нелиберальным демократиям является и их пригодность к развитию собственных демократических механизмов и процедур. При благоприятных обстоятельствах они могут постепенно перерасти в синергию демократических процессов.

При всей спорности некоторых моментов нелиберальной демократии нельзя не отметить ее оздоровляющего влияния на политическую теорию и ограничение либеральной ортодоксии в форме либерального фундаментализма, которая в 2000-х годах, в сущности, послужила идейным основанием американской «принудительной демократизации» и «гуманитарных интервенций». Новая концепция многополярного мира объективно работает на ограничения американского мессианизма и уменьшение готовности США идти на новые военные авантюры, оправдывая их борьбой с авторитарностью.

Библиографический список

1. Путин В.В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики и безопасности. URL: <https://ru.wikisource.org>
2. Бжезинский З.К. Великая шахматная доска. М., 1998.
3. Фукуяма Ф. Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие / пер. с англ. А. Георгиева. М., 2007.
4. Mandelbaum M. Democracy Good name the Rise and Risks of the World Most Popular Form of Government. N.Y., 2007.
5. Примаков Е.М. Мир после 11 сентября. М., 2002.
6. Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2019. 20 февр.
7. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004.